

ОСКОЛКИ

Алексей Алексеевич Ярославский родился в 1988 году в Буйском районе Костромской области. Окончил техникум железнодорожного транспорта. Поэт, прозаик, член Союза писателей России и Совета молодых литераторов. Произведения печатались в «Антологии русской литературы 21-го века», альманахах «Кострома», «Причал» и др. Лауреат поэтического конкурса в рамках Всероссийского Некрасовского фестиваля поэзии (2019). Живёт в Ярославле.

Дедушка Миша

Дедушка Миша строгий очень. Побаиваюсь я его, особенно ремня армейского. Этого не только я — все мальчишки в деревне боятся. Тяжёлый такой ремень, с железной пряжкой.

— На вас припас, — приговаривал частенько дедушка, — коль хулиганить будете. И тебе, Тёмка, достанется.

Но так-то он добрый и смешной. Каждый раз выходит на крыльцо меня встречать и как давай чихать!

— А-а-пшпхх-чи! А-а-пшпхх-чих!
— раздаётся на всю округу.

И во дворах тотчас залают-завоюют собаки, курицы вмиг разлетаются по сторонам.

— Опять табаку нанюхался, — проворчит бабушка, а мне от этого ещё смешней станет.

Табака летом много вырастает: и в огороде, и вокруг дома. Листья у него огромные, похожие на капусту, только невкусные и не пахнут ничем.

А ещё я у дедушки иногда ночую, и он мне сказки читает. Книжка, правда, у него только одна, но большущая и с красивыми картинками.

— Деда, расскажи, почему у тебя борода есть, а на голове волос нет? — люблю спрашивать я, сидя у него на коленях.

— Что, неинтересна сказка-то? Елозишь... Я говаривал тебе уже. — Он грозил мне пальцем, откладывая книгу.

— Ну расскажи, ну пожалуйста... ста...

Дедушка ещё до того, как я родился, на вертолётах летал. И форма у него сохранилась, красивая, в шкафу висит — он мне показывал.

— Раньше не растил я, внучок, бороду, не принято это у нас было. Летали мы недалеко, и то — если случай какой. Сам вертолёт немаленький, а лопасти-то крутятся во-о-от такие, — дедушка широко разводил руки в стороны и, понимая, что я снова засмеюсь, улыбался. — Шлем не любил я надевать, вот мне волосы и сдуло!

Очень морозно сегодня, пустынно на улице. Деревья красивые, белые, прямо как узоры на окнах.

Утром родители замотали меня в одеяло, уложили в плетёные санки и повезли в гости к дедушке. Дома у него, на кухне, рядом со слегка потемневшей от сажи печью был накрыт большой стол. На нём дымилась горячая картошка, стояли маленькие баночки

с солёными грибами и огурцами и ещё несколько бутылок с мутноватой, похожей на воду, что в песчаном карьере, жидкостью.

Гостей было немного. Все сидели спокойно, тихо разговаривали, потом на секунды замолкали, и молчание это вновь прерывал тяжёлый вздох:

— Эх, упокой, Господи, душу... — дядя священник, как мне его назвала мама, постоянно вставал с занимаемых им двух стульев, говоря какие-то непонятные слова, и все тут же поднимались за ним. — Помянем!

За столом стало скучно, и внимание моё привлекли стоящие у печи ухваты. Подойдя к ним и взяв один ухват в руки, я попытался его поднять, но он с грохотом завалился набок.

Побоявшись отцовского окрика, да и ремня дедушкиного тоже, я быстро спрятался у двери. «Ну вот, мамка отругает, не надо было к этой печке прислоняться», — с досадой подумал я, оглядывая белёсые пятна на штанах, и вышел из кухни в просторную комнату.

Посреди неё на стульях лежал большой, красивого бархатного цвета ящик.

Пытаясь разглядеть, что же там внутри, я подошёл ближе и встал на цыпочки. Там спал дедушка Миша. Его лицо было таким же строгим, а борода на удивление гладко расчёсана.

Тихо, чтобы не разбудить его, я прокрался в сторону полатей. Надо и тут потише сидеть, пока

деда не проснётся. Но чем заняться? Гулять-то точно не пойду, холодно...

Пока мысли бегали в моей голове, я случайно заметил на полу маленький осколок печного кирпича, похожий на мел, поднял его и стал осматривать комнату, нет ли какой-нибудь дощечки. К стене, у окна был приставлен такой же ящик, что и на стульях. Он был мягким на ощупь, чуть шероховатым, как кофта мамина. Подойдёт...

— Вы посмотрите! Художник! — не успел я подумать о маме, как позади раздался её громкий голос. — Да где хоть он увидел, как православный крест рисовать?!

Крещение

Зимние короткие дни стали ещё морознее. На улице, в сугробах вдоль дороги, стояли новогодние ёлки. Они блестели на солнце остатками дождика и мишуры, которой недавно наряжали все комнаты в домах. Не украшены были, наверное, только наш дом и дедушкин — нельзя, когда человек умер.

Я только пошёл в первый класс, а уже столько уроков пропустил. В этот раз на неделю освободили из-за какого-то карантина, погулять бы подольше, да только отец не отпускает.

— Почто голым посреди храма выставили... — очнувшись от размышлений, услышал я ворчание

горбатой бабули, несущей в руках красивую, большую — аж до пола — свечу. За бабулей шёл батюшка. Несмотря на холод, пот ручьём стекал с его лица.

— Преподобный отче наш, Серафиме, моли Бо-о-га о на-а-с... — подхватывал дребезжащий, как упавшая на пол кастрюля, голос пожилой певчей.

Здесь, у этой церкви, я был на похоронах дедушки. Тогда и решили меня крестить, а за это мама пообещала сладкий подарок. Сладости мне достаются редко, поэтому хоть и неловко, что раздели, но потерпеть надо.

Напротив меня стоял большой чан с водой, в который будут меня окунать. Хорошо, что тёплая в нём водичка — дали потрогать, когда наливали.

— Ми-и-ром Господу помолимся-я-я... — растянутое пение эхом раздаётся до самого потолка.

Я не слушаю, заморожено рассматриваю красиво разрисованные стены: там много людей с крыльями, как на картинках из дедушкиной книги. Есть и простые люди, в таких же одеждах, что и у батюшки; только бороды у них красивее — белые, аккуратные.

А всех выше, в облаке — Боженька. Я сразу понял, что это он. Взгляд его грустный, а руки разведены в стороны, будто хочет он обнять всех, но не идёт никто.

— В слы-ы-шание веры... — священник маленькой кисточкой начал щекотать мне уши и, всего обмазав ею, посадил меня в чан.

И хорошо, а то я уже замерзать начал: на улице мороз, вон все в шубах и куртках стоят.

— Креще-а-ется ра-а-б Бо-о-жий Арте-е-мий... — непонятные слова кажутся мне страшными. Я закрыл глаза. Что сейчас со мной будет? Молния ударит?

Неожиданно батюшка замолчал.

Последовало изумлённое аханье, я протёр глаза от водяных брызг и увидел, что в церковь зашёл человек. На нём не было ни куртки, ни обуви — только штаны и белая, наспех надетая рубашка. Волосы его были длинными, спутавшимися.

Шатающейся походкой он прошёл в резные двери, откуда сегодня выходил священник, отодвинул большую золотую книгу на красивом, сочно-зелёном, как летняя трава, столе и ловко запрыгнул на него.

— Опа! Какой раб?! Божий, говоришь? — услышал я постепенно повышающийся голос. — Рабы есть, а Бога-то нет! Что вы тут, дураки, стоите?! Нет Бога, слышите!

Сгорбленная бабка, которая всё это время стояла рядом со мной, с тяжёлым вздохом села на пол. Начался гул, все перекрикивали друг друга:

— Да он же пьяный!

— Кто-нибудь из алтаря его выведите! Куда, дурак, на престол сел?!

Батюшка поспешно взял меня на руки, обернул в полотенце и передал маме. Быстрыми шагами

он пошёл к сумасшедшему и закрыл за собой двери, с которых грустно смотрели на меня нарисованные крылатые люди.

У печки

Я люблю смотреть на огонь. Обычно, пока топится печь, я сижу напротив горнила и наблюдаю, как быстро растворяются поленья во множестве пляшущих огненных язычков.

Сегодня дома тепло и спокойно. Мама прибралась, постелила чистые половики в зале — можно даже босиком ходить, только щекотно становится. За стеной, у нашей единственной соседки Клавдии Петровны, раздаётся музыка из телевизора.

Сегодня родители вместо водки пьют чай. Мама привела к нам в гости дедушку Васю, своего папу, дома ему одному скучно. Мне его очень жалко, потому что слепой. Мог бы жить и у нас, но отец говорит, что места мало.

— Во как, Тёмка, повезло тебе! Надо ж, именно на твоём крещении ещё и комедию посмотрели! — говорит мама, раскалывая кушочки сахара щипцами.

— Да уж! — повеселел отец. — Когда это было, пятнадцатого вроде? Я, кстати, то ли вчера, то ли позавчера в городе этого сумасшедшего видел. Трезвый. Михаилом назвался. Говорит, что у батюшки так и остался, у него работать будет.

— Ну, дай Бог, дай Бог... В следующий раз встретишь, скажи,

чтоб сильно не кланялся, а то лоб расшибёт!

Дедушка, услышав историю моего крещения, заулыбался:

— Может, совсем тяжело человеку стало... Я только один раз в храме был, когда в Барских прудах чуть не утонул. А потом зрение полностью потерялось, так и Бог для меня исчез...

Я впервые увидел, как дедушка улыбается. Обычно он всегда молчит и, кажется, настораживается при каждом звуке.

Родители разговаривают, а я сижу у печки, прислушиваюсь к тресканью в печи и пению за стеной: «Не ходи к нему на встречу, не ходи, у него гранитный камушек в груди...»

Барские пруды

Мама говорила, что раньше они чистые были, а теперь в них никто не купается, там стекляшки одни. Вечно невезучий Колька, друг мой, помню, решил похвастаться смелостью и нырнул летом с плота, как чёрт в омут. И вот, пожалуйста, — ещё один шрам красуется на его ладони.

Хотя зовутся пруды, конечно, красиво — Барские... Стоят они совсем рядом и, со слов дедушки Васи, давным-давно принадлежали двум баринам.

— У одного пруда жил барин Костя, а у другого — Афоня. И вот выходят они из усадеб своих каждое утро, после завтрака плотного, и давай кусаться, чей пруд чище и красивее. Как накинута друг на друга, бороды дерут, а

мужики рабочие смотрят на них и смеются. А потом, — рассказывал дедушка, — и появились две наших деревни по именам бариннов...

Я представлял, как хватаются за бороды Афоня с Костей, смеялся, и до сих пор смешно становится, когда вспоминаю эту историю.

Лёд на прудах ещё крепкий, и отец разрешает мне туда ходить.

Я ношу в рюкзаке шайбу с картинкой волка, как сокровище: она единственная в деревне — и каждый день после уроков бегу на очищенные от снега пруды. Ключка у меня тоже есть, деревянная, но только не настоящая, конечно, а с которой раньше дедушка на фабрику ходил. Да и вместо коньков валенки — коньков-то ни у кого и нет.

Ребят прибегает много, и Кольку мать приводит, она его редко одного отпускает. Но играет он лучше всех и, как самый старший из нас, распределяет, кто за канадцев играет, а кто за русских. Шайба моя — я русский, естественно. А за Канаду обычно играют девчонки и все детсадовские: им без разницы, лишь бы с нами побегать.

— С переда-а-чи Сергея Фёдорова шайбу забросил Па-а-вел Бу-у-ре! — хлопая в ладоши, громко заявляет мама Кольки каждые полминуты после очередной нашей сутолоки у ворот, то есть у двух лежащих на льду кирпичей.

Жаль, что темнеет быстро, а то я бы этим кленовым тоже голов десять забил, как наш Колька-Буре.

Пожар

Весна — моё любимое время года. По календарю она уже настала, но до настоящей весны — тёплой, расцветающей — ещё долго.

Вчера Масленицу провожали, очень весело было. И блинами кормили, и на санях возили целый день. Перед праздником мы с Колькой помогали перекатывать с фермы и фабрики старые покрывки на горку. Взрослые сложили из них высокую кучу-пирамиду, поверх неё поставили Масленицу и сожгли. Масленица — это не человек, конечно, а чучело, только очень похожее на сумасшедшую тётку Нину. Тётка постоянно по деревне бегает и всех пугает. Рот у неё такой же кривой, как у чучела, и один глаз больше другого. Б-р-р...

«...Я знаю дорогу в Изумрудный город, поэтому с радостью покажу её тебе, Элли, и вам, Страшила и Дровосек. Это город мечты — красивый и вечнозелёный, в котором нет ни голода, ни злых людей, ни...»

Неожиданно ласковое тепло сменяется обжигающим щёки морозцем. Я просыпаюсь, нехотя открывая глаза. Как это я оказался на снегу?

Поднявшись, вижу огромное-огромное пламя, чуть ли не до неба, как вчера на горке. Густой дым уходит вдаль, люди, стоящие на дороге, будто провожают его взглядом.

— Самогон, самогонку! Вытаскивайте! — истерично кричала Клавдия Петровна, бегая у полыхающих стен дома.

— Клавка, а телевизор? — донёлся голос из толпы.

— Да пёс с ним! А Тёмку-то вынесли? Родители же в город умотали! — голос соседки дрожал. — А, вот он стоит, слава те, Господи...

Она подошла ко мне, обняла за плечи и вдруг почему-то звонко рассмеялась, а за ней стали смеяться все. Словно и не заканчивался праздник Масленицы.

Деревенские мужики то исчезали в жёлто-красном пламени, то выбегали обратно. В широких сугробах прибавлялось бутылей, мне кажется, что они выше меня, бутылки эти.

Смеются люди, значит, успели выгащить самое дорогое. И меня.

Этот день Победы...

Нет в новом доме ни телефона, ни телевизора, ни холодильника. А у соседских мальчишек есть всё, они частенько бахвалятся этим. Единственное, чем могу похвастаться я, — почти полностью покрытое паутиной радио, которое висит на стене, у самого потолка. Его изредка включает отец, потому что только он и может достать.

Вчера родители опять куда-то уехали, а радио оставили включённым. «Тата-тата-та-тата-тата, московское время...» — наизусть выученные мелодия и голос

звучали каждый час. После длительные скучные беседы прерывались песнями, и я в эти моменты отвлекался от чтения.

Музыкальные паузы мне нравились. «Этот день Победы...» — любил подпевать я, но сразу умолкал, боясь, что сейчас кто-то зайдёт и услышит. А то отгадут ещё в хор к бабушкам, которые в библиотеке репетируют. Нет уж, не хочу.

Восьмой час, темнеет, а родителей так и нет. Как придут, надо им рассказать, что были какие-то дяденьки у дома. Сначала постучались, а потом на улице, у окна, с проводами что-то делали. Радио замолкло, и свет теперь не включается.

Ещё и кушать очень хочется. Я пошарил рукой по пустому посудному шкафу, заглянул в горнило, походил по углам кухни... За мусорным ведром нашёл немного высохших картофельных очистков. В последнее время мы часто сушили их на печке и ели, посыпав солью. Колхоз в начале весны закрыли, и теперь родители остались без работы, не на что еду покупать.

«...Господин в чёрном котелке сошёл с трамвая на Граумена-уштрассе, угол Кайзераллее. Эмиль это увидел, схватил чемодан, букет, ещё раз сказал дяденьке с газетой: «Большое, большое вам спасибо» — и тоже вылез. Вор обошёл передний вагон...» — немного утолив голод,

продолжаю чтение книги. И вот я уже в Германии, вместе с Эмилем иду следить за преступником...

Блажен, кто верует...

Я шёл из библиотеки и улыбался в ответ яркому июньскому солнцу.

Да-да, солнцу! А у вас не бывало такого ощущения, будто солнышко, как живое, улыбается с неба?

Небо такое чисто-синее, как взгляд мамы, обнимающей младенца, — сестрёнку мою, которая недавно родилась.

На обочинах потрескавшегося тротуара кланяются жёлтые, с пушинками, цветки. Я пока ещё не знаю, как они называются, но руки от пыльцы, наверное, надо будет долго отмывать, раз слюной не оттираются.

Да и книгу бы не запачкать, она полностью белая. Буквы у неё только на обложке, а внутри — выпуклые точки. Их только мой дедушка Вася читать умеет. Ещё недавно он работал на нашей большой фабрике, но теперь оттуда все станки увезли. И книги такие почему-то стали выбрасывать из библиотеки на мусорку. Все берут их на растопку печей, на зиму.

Мне дедушку жалко, загрустил он, как остался без работы. И не видит он сейчас ни меня, ни солнышка этого: живого, улыбающегося. Сейчас приду, он снова сядет на лавочке у дома и будет читать. Прибегут ребята, улягутся

прямо на траву и станут слушать, как вчера. Быстро водил дедушка пальцами по точкам и рассказывал, что написано на больших белых листах:

— Блажен, кто верует, тепло ему на свете... Ах, боже мой, ужли я здесь опять...

...Приближаясь к дому, я вдруг увидел встревоженную толпу. На дороге стояла машина с мигающими «маячками». Я заметил отца и подбежал к нему. Рядом с ним стоял милиционер и что-то записывал в огромной тетради.

— ...Где он верёвку нашёл?

— Да это ладно, как он, слепой, на крючок-то смог её привязать... Высоко же... — по тихим пересудам собравшихся я понял, что произошло что-то плохое...

— Да хватит вам! — воскликнул отец в сторону сплетников, приобнял меня и дрожащим голосом добавил: — Не выдержал Василий Николаевич, повесился... Не нужен стал никому...

Грандиозная свадьба

А у нас всё по-взрослому. Женька пересчитывает деньги, сейчас, видимо, делить будет, хотя их тут много растёт: бери не хочу, лето же.

Алиска еле дотащила целую корзинку всяких вкусностей: тут и компот вишнёвый в банке, и конфеты, и пирожков из пекарни ей мамка положила. Алиса из богатой семьи, живёт она в большом-большом доме. И имя у неё

красивое. Только мне Светка из соседней деревни больше нравится — мы с ней и в школе за одной партой сидим, и в садик вместе ходили, пока не закрыли его.

Бабыя Горушка — место красивое, тихое. Не знаю, почему его бабьим назвали, а вот Горушкой скорее потому, что это небольшой холм с деревьями, в тени которых мы любим играть. К тому же отсюда видно всю округу.

Здесь иногда собираются взрослые, поют песни, праздники отмечают. Но бывает, что и дерутся. Как недавно, на поминках дедушки Васи.

Сегодня большая свадьба. И не одна, а целых три: Алиска выходит замуж за Женьку, Света — за меня, а Настя, тоже одноклассница моя — за Илью, который Муромец. Остальные бы тоже не прочь жениться, только друг Колька сразу протестовать начал:

— Па-па-пачему мне Гальку сопливую даёте, о-о-она ничего не понимает, Све-свет-ланку дайте!

Колька с рождения заикается и ещё букву «р» не выговаривает, поэтому не нравится девчонкам. Решили его свидетелем нарядить.

Светка крепко держит меня за руку, наверное, чтобы не убежал.

Не больно-то и хотелось.

Алиска взяла заранее скрученные из медной проволоки два колечка и с важным видом подошла к нам.

— Объявляю вас мужем и женой! Обменяйтесь кольцами и поцелуйтесь!

Я почувствовал, как мои руки задрожали от волнения.

— Не буду с ним целоваться! — донёсся голос Светы из-под обреза тюля, нацепленного ей на голову. — Не умеет он!

— Умею, только не хочу! Вы как будто тут все умеете...

— А вот и да! — Светка сбросила с себя «фату», подбежала к Женьке и, обхватив его шею двумя руками, с громким чмоканьем поцеловала в губы.

Алиска от неожиданности поперхнулась только что налитым в пластиковый стаканчик компотом: её свадьба с Женькой состоялась первой.

Наступила тишина. Мы стояли и смотрели друг на друга.

Ни за что больше не женюсь. Что это за невеста такая мне досталась... Пусть Колька забирает.

Колька

Колька любит выбегать на дорогу. И без разницы ему, что эта привычка его родителям не нравится.

Наверное, неделю тому назад так же выбежал и в очередной раз под колёса угодил. Досадно мне, что ни одного такого раза не видел. Да и странно это: шустрый Колька, быстрее всех мальчишек в округе, а от машин убежать никак не может.

Теперь каждое утро выносит его отец во двор, стелет покрывало на ещё мокрую от росы траву, вываливает рядом из коробки большую кучу солдатиков

и уходит в гараж. Колькин отец — изобретатель, у него там много разных непонятных приборов и деталей.

— Больно? — спрашиваю я друга, постучав указательным пальцем по загипсованной ноге.

— Н-не-нет, — отвечает, — во-во-вот только чешется сильно.

— Ага, — я мысленно уже погрузился в битву Наполеона и генерала Кутузова, но Колька поддвинулся ко мне.

— А-а-а ты видел тлактол папкин?

— Где? — серебристого цвета фигурки в моих руках затеяли нешуточный бой.

— Ме-ме-меня на нём папка плокатил, о-он выпивши был, — прошептал Колька. — Только маме не говори. Не-не скажешь?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

— Э-э-это я с тлактола упал. То-только мамке не говори, нельзя.

— Так чего ты за отца не держался-то? — удивлённо спросил я.

— Ка-как, если он пе-пелвый упал?

Три богатыря

— Хо-хо-хочешь? — спросил меня наконец-то освободившийся от гипса Колька, протягивая небольшой чёрный кусочек, похожий на угольный.

— Что это?

— Гу-гу-гудлон. Его жевать можно. Па-папка сказал, что

машина за бутылками только в сле-следу плиедет, тогда жвачек купим.

К нам в деревню часто приезжали машины с большими фургонами, и много народу приходило на площадь у фабрики, кто с чем. Приносили мешки, прочитанные газеты, но больше всего — бутылки. Нам с Колькой бутылки давал его отец; пусть немного, но вот, например, если четыре пивные сдадим — это четыре жвачки купить можно. С наклейками!

Недоверчиво держа в ладони «уголёк», я посмотрел на друга. Он широко открыл рот, мол, смотри: жую, живой. Значит можно попробовать.

Я тоже начал жевать, но затем выплюнул:

— Зубы сразу болеть начинают. Будем сегодня в богатырей играть?

...Играли в «трёх богатырей» мы на заросшем склоне у маленькой речки Богданки. Зимой это будет самое оживлённое место в деревне: сюда все придут кататься, кто на лыжах, кто на санках или картонках — на чём придётся.

Наш Илья Муромец живёт рядом с фабрикой, а ещё у него настоящие пулемётные ленты есть, которые он на фабрике и нашёл. Пусть они без патронов, но очень тяжёлые.

Ильюшка младше нас, но по имени ему доверено быть главным богатырём, мне — Добрыней, а Кольке, хоть он и сопротивлялся вначале, — Алёшей Поповичем.

Зайдя за Ильёй и обмотавшись железными патронташами, мы отправились на склон — татар бить.

— Встречаемся у реки? — спросил я у друзей, когда мы доскакали на воображаемых конях до цели. Они кивнули, и мы начали спускаться.

Затрещали толстые стволы репейника, упрямо не поддаваясь ударам сделанного отцом деревянного меча. Сырая от утреннего грибного дождика паутина облепила всё лицо, штаны насквозь промокли уже через минуту.

Но терпеть надо. Спасать надо Россию от врагов. А то сначала татары, потом крестоносцы всякие...

Крёстная

Дорога в соседнюю деревню была песочной, поэтому я снял обувь и пошёл босиком. Очень жарко сегодня, песок больно обжигает пятки, и приходится идти то подпрыгивая, то выбирая места в тени деревьев.

Дом Анны Павловны, моей крёстной, — красивый, отличающийся от соседних. Узоры украшают и окна, и навес у крыльца, а внутри дома занавески — точь-в-точь с такими же рисунками.

Если отец отпускал, я приходил к ней каждое воскресенье после обеда, когда она возвращалась со службы. Крёстной матерью её недавно назначил мне дядя священник, потому что так надо. В церковь она, хоть и старенькая уже, ходила в город, но

обычно туда и обратно её подвозили на машине местные, едва заведя на дороге.

Каждый раз она, встречая меня, сразу наливала стакан воды, которую называет святой, и давала маленькую частичку белого хлеба с крестиком на корочке.

Анна Павловна, как обычно, провела меня на кухню, повернулась к картинкам в углу и медленно зашептала:

— Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас...

Такие же картинки я видел ещё на своём крещении в храме, только там они были намного больше. Особенно нравилась мне картинка, где нарисованы дедушка и бегущие к нему дети. Борода у дедушки белая, большая, а глаза очень добрые и будто на меня смотрят.

Я сел за стол и красивой деревянной ложкой стал есть суп. Ели мы с бабушкой Аней в полной тишине, она начинала со мной разговаривать только тогда, когда подавала чай.

— Не бросит тебя Боженька, сынок... Сейчас тяжело, но потом всё хорошо будет... Как родители?

Я молча вздохнул.

— Да знаю, знаю... — она погладила меня по голове и улыбнулась. — Ты ешь конфеты-то... А с собой тебе другие дам...

Глаза крестной медленно наполнялись слезами. Я молча

сиджу, смотрю из окна на усыпанную сочно-зелёной листвой берёзки и отхлёбываю чай из маленькой чашки, с каждым глотком обжигая губы. Домой мне совсем не хочется, и кажется, будто я сейчас далеко-далеко от него: где-то там, где живёт этот добрый дедушка, что на картинке в углу.

Больница

...И тут как будто время остановилось, и я увидел что-то белое, вылетающее из маминого носа, похожее на кость. После появились брызги крови, которые тут же окрасили стену кухни багровыми пятнами.

Нет, ужаса я не почувствовал, вместе со временем остановилось всё: мысли, истошные крики, осенний гул ветра за окном...

Отец открыл подвал и скинул туда плачущую маму.

Потом посмотрел на меня мутным взглядом и шатающейся походкой стал приближаться. Когда он подошёл, я, успев вывернуться из-под рук, ударил его по коленке и выбежал из дома. Но, открывая калитку в соседний огород, потерял сознание от сильного удара сзади...

Очнувшись, я первым делом увидел белые стены и почувствовал резкий запах лекарств. Потом попытался приподняться, но тут же от резкого головокружения чуть не упал с кровати.

— Тёмка, ожил? — донёлся грубый голос отца.

Я сразу закрыл глаза, боясь смотреть в его сторону.

Он встал на колени и взял меня за руку.

— Ну и напугал ты меня, ду- мал, что всё — убил! Не обижай- ся, пьяный я был... Прости меня, дурака... Ты хоть помнишь, что случилось?

Я промолчал.

Отец подо двинулся к кровати, пригнулся ко мне и раздражённо прошептал:

— Милиция в больницу при- дёт, будет спрашивать — говори, что зашнулся неудачно и упал на камень. Запомни, кочергой я тебя не бил. Понял?! А если про меня расскажешь, своими руками при- душу.

В этот момент в дверь посту- чали, и в палату заглянул мужчи- на в белом халате. Отец быстро встал, подошёл к нему и кивком головы позвал за собой.

Подвал

Прошлой осенью мы с соседя- ми прятались в этом подвале от злющего урагана, который около получаса кружил по нашей дерев- не, но эти полчаса тогда показа- лись мне вечностью.

Когда ветер утих, мы вышли на улицу и увидели, что все дома целы. В некоторых дворах на щепки разнесло старые сарайки, ещё чуть-чуть пострадали тополя: немного больших веток лежало на дороге и по её обочинам. Уже

потом отец на тракторе помогал расчищать лес и малинники ря- дом с деревней от поваленных старых деревьев. Ураган будто оставил после себя дорогу.

...То ли приснилась мне эта фраза, то ли прочитал в какой-то книге: «Не так страшна темнота, как то, что в ней находится».

Мне не страшно. Сверху слышны надрывный плач малень- кой сестрёнки Маши, чеканные грубые шаги и невнятная ругань пьяного отца. В этот раз я убе- жать не успел. На улице — шум дождя с ветром. Рядом со мной, на сырой земле подвала, лежит мама, всхлипы её чередуются с тяжёлым хрипом.

Я протянул руку к её голове, и тут же мои пальцы ощутили что- то вязкое. «Кровь...» — сразу по- думал я, начав осматриваться по сторонам в поисках какой-нибудь тряпки, чтобы закрыть рану, и прошептал:

— Мама, ты живи, пожалуй- ста... Ты меня слышишь? Только не пей больше...

Покров

Часто по вечерам я сижу в гостях у Кольки и смотрю теле- визор. Сегодня показывали смеш- ной фильм про пьяных охотни- ков, а мы с Колькой чай пили.

— Фу, праздник какой нынче великий — Покров, а они попой- ку показывают, — ворчала тётя Вера, мама Колькина, делая, как обычно, два бутерброда с маслом и наливая чай.

Что такое Покров, я не знаю. Я только ради бутербродов этих и хожу к Кольке. Дома опять нечего кушать, а тут хотя бы до завтра сыт буду.

...Большие настенные часы, похожие на кормушку у школы, пробили девять, и я, попрощавшись, побежал домой.

— Жизнь испортила ты мне! Сволочь! — уже с порога услышал я крик отца.

Опять пьют и ругаются... Стало понятно, что сейчас спать не лягу.

В комнате, среди раскиданной повсюду посуды и одежды, стояла мама с маленькой Настей на руках. Сестрёнка захлёбывалась от крика.

— Достало всё! И ты, и вы, все достали! Сейчас вздёрнусь, чтоб вам не жилось потом! — отец вдруг резко замолчал и вышел на минуту в чулан. Потом так же молча пришёл обратно, держа в руках большую верёвку, на которой обычно висело бельё. Он привязал её к ручке шкафа, сделал петлю и, встав на колени, надел себе на шею.

Что это, сон? Просто кошмарный сон?

Папино лицо быстро посинело, он перестал дышать. Я не понимаю, что происходит и что делать. Только чувствую, что сильно закружилась голова и подкашиваются ноги.

Вдруг мама зачем-то швырнула Настю на пол и стала страшно кричать. И в этот миг неведомая сила заставила меня схватить

сестрёнку, завернуть в лежащую тут же, на полу, куртку и выбежать на улицу...

... — Боженька... У меня ведь и покушать ничего нет... Не мне, сестрёнке бы покушать.

Я очнулся от ужаса и понял, что стою посреди дороги и смотрю на звёздное небо. Слёзы обжигают щёки и, падая на первый снег, словно растапливают его. Я не чувствую холода. Почему мне сейчас пришло в голову это слово: Боженька?

Хоть бы сестрёнка не умерла... Я прижимаю к груди Настеньку и разговариваю с небом:

— Моя маленькая, всё будет хорошо, сейчас кто-нибудь придёт...

Побег

Огромный серый дом. Внутри везде большие столы и железные кровати. В самой большой комнате уже давно стоит новогодняя ёлка, вокруг неё непрекращающийся крик, будто паника: все бегают, бегают, бегают...

В этом доме кормят по расписанию, играют по расписанию, даже читать можно, но только полчаса, перед сном. Зачем меня привезли сюда?

Сестрёнку в больницу какую-то забрали, говорили, что чуть подрастёт ещё и тоже сюда. Только зачем? Чтобы и её обижали? Тут только и делают, что дерутся...

Утром директор приюта вызвала меня к себе в кабинет. Сначала сказала, что дом мамин сгорел.

Потом долго допытывалась, что за ожоги у меня на руках. Мне говорить нельзя, это проверка на ябедничество, иначе забьют старшие мальчишки потом. Не сказал.

А в обед привезли ещё трёх девочек. Маленькие, исхудавшие, оказалось, что это сёстры.

Когда все кушали, одна из них, наверное, самая младшая, неожиданно подошла ко мне и спросила:

— А ты не знаешь, где мой папа?

— Не знаю, — грустно ответил я. — А мама у тебя есть?

— Нет, нам папа говорил, что она уехала далеко-далеко и никогда не вернётся...

Я сразу вспомнил утренние слова директора, и сердце моё сжалось. А что если с мамой что-то случилось, а мне не сказали? Может быть, попробовать найти её самому?

Я не стал доедать второе, положил в карман два кусочка чёрного хлеба, быстро пошёл в спальную комнату. Наспех надел куртку и шапку, взял школьный рюкзак и незаметно прокрался к запасному выходу, который нам показывали воспитатели.

Рядом с дверью, будто засыпая, сидел Андрей — старшеклассник, обещавший меня защищать. Он держал в руках маленький целлофановый пакет и какой-то тюбик. Лишь когда я тихо закрывал дверь, боясь, что воспитатели услышат и побегут за мной, он

поднял голову и посмотрел на меня мутными глазами.

Слава Тебе

Я понял, что заблудился. Уже стемнело, деревень никаких нет, значит, это не та дорога, по которой меня от мамы везли. И ни одной машины нет.

Замёрз сильно, больше всего замёрзли ноги. Руки поочерёдно вынимаю из карманов и согреваю дыханием. Ну хоть кто-нибудь бы проехал, хоть кто-нибудь...

— Боженька, помоги... — начал мысленно повторять я, вспомнив, как при этих словах, в тот вечер, когда умирал отец, около меня с сестрёнкой на улице вдруг оказалась Елена Михайловна, наш библиотечарь, и забрала нас к себе на два дня.

Сзади послышался гул мотора. Я оглянулся. Получилось! Машина едет! Я робко помахал рукой, и автомобиль остановился.

— Откуда ты такой здесь? — спросил мужской голос из кабины.

— Заблудился, — дрожащим, пропадающим голосом еле смог ответить, — мне бы погреться где-нибудь...

— Садись быстрее, церковь по дороге будет, постучишься туда — отец Михаил откроет.

Я забрался в машину и увидел, что за рулём сидит мужчина с длинной чёрной бородой и в халате, как у батюшек.

— Слава Тебе, Господи, что я сейчас из города поехал, а не

раньше... Тут редко кто ездит. Закоченел бы насмерть... — он медленно перекрестился и что-то начал шептать.

Скоро машина затормозила у освещённого несколькими фонарями переулка, и я увидел большой красивый храм.

Выйдя из машины и поблагодарив доброго водителя, похожего на священника, подошёл к железной двери и постучался. Рядом с дверью, на кирпичной стене, висела бумага, и я успел прочитать только «Пятнадцатое января — день памяти...»

— Преподобный отче наш Серафиме, моли Бо-о-га о нас... — услышал сначала из-за двери, потом она с лязгом открылась, и я замер...

Передо мной стоял знакомый сумасшедший, что был на моём крещении. Лицо его мне хорошо запомнилось, только сейчас он не

в рубашке и не босиком, а в ярко-зелёной, широкой и почти до пола одежде.

— Проходи, проходи, не впускай холод, — торопливо, мягким голосом заговорил отец Михаил, — сейчас чайник поставлю, поговорим потом...

Спустя минуту я уже сидел за большим длинным столом, отхлёбывал из блюдца горячий чай и слушал пение батюшки, раздающееся небольшим эхом по всей церкви. Слова мне были непонятны, но от них почему-то становилось ещё теплее.

Я надеялся, что ещё увижу маму. И никогда, нет, больше никогда не вернусь в детский дом.

За окном на небе сияло много-много серебристых звёзд — и мне в этот момент подумалось, что это просто осколки, которые однажды были чем-то огромным, целым и очень-очень красивым.